

Почему выжила моя семья в голодомор в ст. Попутной

Семья Клименко, 1929 год.

Слева-направо. Вверху: Дарья Демьяновна, Харитон Зиновьевич, Александра Филлиповна, Павел Надежда Кузьминична, Михаил Харитонович, Сережа. Внизу: Илья, Алексей

Вначале немного истории. Мой прадед – казак Клименко Зиновий – из первопоселенцев ст. Попутной. Его сын - мой дед Харитон женился в 1899 г., его первый сын Александр родился в 1900 году. Харитон для своей семьи выстроил большой добротный дом за школой и церковью, на высокой круче, под ней внизу река Уруп. И от своего дома до самой школы он посадил огромный сад.

Когда мой сын Юра, учась в 10 классе, начал ходить в Попутненскую церковь с 1986 г., то бабушки в церкви сразу же сказали – это внук казаков Харитона и Зиновия. И Юре они рассказывали, что они очень хорошо помнят Харитона и Зиновия. У них были прекрасные голоса. Они оба пели в церковном хоре и в казачьем хоре. Это были знатные казаки и хорошие воины. Их знали и уважали все. Но были и завистники. Бабушки рассказывали, что видели их в то время еще маленькими девочками, но помнят до сих пор. Таких, как Харитон и Зиновий, больше не было. Они были богатыми и глубоко верующими. У них была заведена традиция: во все большие церковные праздники после окончания службы в храме Харитон и Зиновий приглашали к себе домой всех прихожан, находившихся в церкви, – отпраздновать. В своем дворе они ставили множество

столов с яствами и напитками и все праздновали до ночи. Это были не единичные случаи, так было постоянно.

Харитон умел делать абсолютно все. Он получал хорошие урожаи. У него было много лошадей и другого скота. Он шил любую одежду, в том числе и шубы. Шил любую обувь, но особенным успехом пользовались сапоги. Казаку без сапог - никуда. В то время они стоили очень больших денег. Поэтому Харитон имел все.

В 1918 году, когда власть переходила из рук в руки, красные предложили казаку Харитону – если он отдаст в Красную Армию старшего сына Александра (18 лет) писарем (у Александра был каллиграфический почерк, он писал быстро и без ошибок), то они не тронут его семью, а сам Харитон избежит расказачивания.

В Красной Армии в то время в основном были неграмотные, а те, которые разумели грамоте, едва умели писать и с большим количеством ошибок.

В конце концов, они согласились, а Александр предупредил, что он только будет записывать события, оружия же он в руки не возьмет и в своих стрелять не будет.

Красные слово сдержали. Семью не тронули. Лошадей и продовольствие периодически изымали, но это, как вспоминала моя бабушка, - мелочи.

Но раскулачивания Харитону избежать не удалось.

В феврале 1930 года в дом Харитона пришли, сказали, чтобы дом они освободили. Они его изымают. Изымают и скот, и все остальное. С собой разрешили взять только носильные вещи. Наверняка отправили бы в Сибирь. Напрасно все убеждали, что у них старший сын в Красной Армии. Им не верили. И когда уже все сидели во дворе на узлах, на побывку приехал Александр (он потом говорил, что его вдруг неодолимо потянуло домой).

Александр пошел к властям и сказал: «Как же это так, я в Красной Армии, а вы выселили мою семью, как кулаков».

Тогда власти заявили, что этот дом они изымают для школы – в нем будут жить учителя. А семье Харитона они подыщут другой дом. В ту пору у Харитона было уже 6 сыновей, один из них уже был женат, и его жена и грудной ребенок жили с ними.

Дом им нашли казака Пустоварова, семью которого отправили в Сибирь. Посреди двора – огромнейшая куча земли. Одна стена дома полностью проломлена и разрушена, внутри дома – глубокая яма глубиной метров 10, полностью заполненная водой. Объяснение: здесь в подполе нашли закопанными 7 тонн зерна. И сколько тот дом простоял после этого, не известно.

Сначала вычерпали воду. И только через полгода, когда высохла яма, засыпали землей и заложили разрушенную стену. И сразу же начали копать колодец – без воды никуда.

Это все рассказывали родственники. Бабушка Саня прожила 84 года. Умерла в 1963 году. До последних дней она работала в огороде, готовила еду, и до конца сохранила ясность ума. Она очень часто вспоминала об этих событиях, и особенно – о голодоморе 1932-1933 года.

Была засуха. Был неурожай. Приходили – выскребали все съестное, все, что было, не только из амбаров и погребов – даже обед со стола.

Из продуктов не осталось ничего. Да, после раскулачивания через какое-то время, Александр все-таки добился – вернули только одну корову (семья-то была большая).

В голод 1932-1933 года, по словам бабушки, выжили только благодаря этой корове и картошке. Золото, драгоценности можно было обменять на булку хлеба или несколько картофелин. Моя семья предпочитала брать картофель.

После раскулачивания сохранить удалось немного. И то, что сохранили – кольца, сережки и прочие мелочи из драгоценных металлов, даже серебряные крестики, хорошую одежду и обувь, одеяла и постельное белье – все обменивали на продукты.

Картофель чистили, очень глубоко вырезая глазки, и эти очистки картофеля вместе с глазками сажали недалеко от колодца (рассказывали все из нашей семьи). Очень часто поливали, окучивали очень высоко. Картофель рос быстро. Его выкапывали еще с зеленой ботвой, опять чистили и сажали очистки с глазками и так далее, до самой зимы. Осенью прикрывали от ночных заморозков.

Из картофеля варили похлебку, куда добавляли всякие травы, съедобные корешки. Мой отец Павел (ему тогда было 12 лет) с ребятами промышляли: искали съедобные травы и корешки. Собирали желуди с дуба, их замачивали, чтобы вышла горечь, затем сушили, мололи и пекли хлеб. Отец вспоминал – его вкус был отвратителен, есть его было невозможно. Но ели, чтобы выжить. Ели листья с деревьев, молодые побеги. Отваривали ветки с почками или листьями с плодовых деревьев и прежде всего – с вишни и малины, заваривали травы – и пили чай.

Бабушка рассказывала – идет по улице человек, падает, встать уже не может и умирает. На улицах появились трупы. Хоронить их было некому. Или у родственников не было уже сил и средств, или их уже не было в живых.

Тогда объявили, что создаются похоронные команды. Пообещали очень хорошие деньги. Не нашлось ни одного желающего, так как продуктов и так было мало, и стоили они невероятно дорого, что за эти деньги ничего не купишь. И тогда власти объявили – в похоронные команды набирают только мужчин, у которых еще есть силы, и кроме денег им будут еще выдаваться продукты. И тогда желающие нашлись.

Бабушка вспоминала, что по улицам ездил брички, запряженные лошадьми. Их было несколько. На брички грузили трупы. На кладбище, где

сейчас находится сырзавод, их хоронили. Копали братские могилы широкие и очень глубокие. Трупы сваливали друг на друга, пока яма не заполнялась полностью. Тогда ее закапывали. Насыпали холмик, как на обычных могилах, и копали следующую братскую могилу. Таких могил было много.

Умирали от голода целыми семьями. Вначале похоронные команды по домам не ходили, пока не появилось зловоние, которое шло от хат, где в живых никого не осталось. Несколько хат, где тела начали уже разлагаться, пришлось сжечь, чтобы избежать заразы. И тогда похоронные команды обязали ходить по всем домам, чтобы трупы изымать вовремя. Каждый день жители слышали переключку. Если хозяева дома не отзывались, похоронные команды заходили во дворы, в хаты.

В 1932 году умер внук Харитона – ребенок 3 лет. Говорили – от болезни. Но это ясно – от недоедания. Его организм просто не принимал похлебку и хлеб из желудей.

Мой отец – Клименко Павел Харитонович – главный механик эфирозавода, когда видел маленький алюминиевый бидончик в 1 л (сейчас он находится в Попутненском музее) все время вспоминал, что в этом бидончике он каждый день носил молоко своему отцу Харитону (это все, что могла выделить семья своему отцу) во время голодомора 32-33 г.г. Харитон работал сторожем на полях колхоза имени Сталина.

Отец вспоминает, что постоянно, очень сильно испытывал голод, но есть было нечего. Похлебка из картофеля и корешков не насыщала, да и ее было мало на всех едоков. Вкус хлеба из желудей был отвратителен, но есть приходилось. Травы и корешки тоже не утоляли голод. Когда ему приходилось нести молоко на поле своему отцу, он решил – я только пригублю молоко, почувствую его вкус на губах - и все. А когда приходил к отцу на поле, то в бидоне оставалась ровно половина молока. И за эти два года он ни разу не принес отцу полного бидона молока. Дед Харитон сдержанно улыбался. Он все понимал и не осуждал сына.

По рассказам бабушки Харитон умер в 1933 году. Работая сторожем, в марте он охранял поле с редисом. Было очень холодно, лили дожди, а он жил на поле в шалаше. Он обязан был ходить по полю, охранять его. Попал под ливень, очень сильно промок и остался лежать в шалаше. Там и умер. Покинуть пост он не имел права. Согреться тоже не мог, т. к. ни теплых вещей, ни одеяла у него не было. При раскулачивании многое из вещей забрали, а то, что осталось, обменяли на продукты, чтобы выжить. И то немногое, что осталось, он оставил своим сыновьям. Они росли, и им нужно было что-то носить. И это случилось с тем, кто мог сшить любую вещь и обувь.

После похорон Харитона семье пришлось совсем туго. Бабушке Сане очень хотелось спасти свою семью. Сыновья молодые, они должны жить. А она уже достигла пожилого возраста. Ей было тогда 54 года. Тогда она совсем перестала есть, чтобы сыновьям доставалось больше.

Когда моя бабушка совсем слегла, сыновья пригласили врача. Он осмотрел ее и сказал, что у нее крайняя степень истощения. Она ничего не ела недели три. Бабушка подтвердила, что это так. И тогда врач сказал: «Единственное, что спасет ее – это сырое куриное яйцо. И выпить его нужно именно сырым. Конечно, это стоит сейчас баснословных денег, но больше ее ничего не спасет. Очень скоро она умрет». Сыновья сказали матери: «Ты нам нужна, мы не хотим потерять еще и тебя». И ее сыновья достали это яйцо. Но матери они так и не сказали, на что они его обменяли. Она только знала, что это что-то было очень ценное. Наша бабушка выжила и прожила еще 30 лет.

Мне, тогда еще ребенку, даже трудно было представить, что такое возможно. Я просила бабушку сводить меня на кладбище на могилы моего деда Харитона и ее троих детей, умерших в 1909 году от кори за одну неделю, и ее внука Сережи. Она отвечала, что могилы были раскопаны, а на этом месте построен сырзавод.

А отец мне рассказывал, что он был на старом кладбище, когда там раскапывали могилы. Ведь там были похоронены его отец, брат, две сестры, племянник. И об этом очень просила его мать. На раскопки могил приходило много людей, ведь у всех в Попутной на этом кладбище были похоронены родственники. Отец рассказывал, что видел, как раскапывали могилы ковшом. Гробов было не так много. Зато костей было очень много, хоронили в основном без гробов. Кости грузили доверху на грузовые машины и неизвестно куда увозили. Говорили, что это продолжалось несколько дней. Никто из шоферов так никому и не сказал, куда увозили.

(Из воспоминаний моей бабушки Александры Филипповны Клименко, 1879 года рождения и моего отца Павла Харитоновича Клименко, 1920 года рождения).

Людмила Потапова-Клименко, жительница станицы Попутной